

А.Е. Бочкарев (Нижний Новгород)
ORCID ID: 0000-0002-9650-8604

О ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕМ ПОТЕНЦИАЛЕ ПАРЕМИЧЕСКОГО ОБОРОТА *ТЕСТО ТОПОРОМ НЕ РАЗРУБИШЬ* В РАССКАЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА «ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ»

Аннотация. Статья посвящена изучению паремического оборота *тесто топором не разрубишь* как своего рода инвариантной программы с мощным текстообразующим потенциалом, разворачиваемым в рассказе Н.С. Лескова «Железная воля» путем последовательной экспликации образов железа и теста как символических аналогов наиболее примечательных свойств национального характера – немецкой воли и русского безволия. Особую значимость приобретают в этой связи противопоставленные железу образы теста, в том числе пирог с морковью и поедаемые на поминках Сафроныча блины, которыми подавился и от которых принял смерть человек железной воли Гуго Карлович Пекторалис. В символическом истолковании это больше чем просто изделия из теста; раскрыть их содержание можно только в контексте указанной паремии в рамках установленной по случаю серийной аналогии вида *немец : русский :: воля : безволие :: железо : тесто*. Разумеется, в специальном смысле такая аналогия, как и прогнозируемый на ее основе исход противостояния, не имеет силы, но этого, в сущности, и не требуется. Аргументом в пользу превосходства русского безволия-теста над немецкой волей-железом становится, как это ни парадоксально, как бы невзначай подчеркнутая паремией способность сырого теста противостоять топору, а убедительным иллюстративным примером (exemplum) в статусе прецедента – рассказанная за чаем «достоверная» история про Гуго Карловича Пекторалиса. Включенный в рассказ формульный оборот функционирует, таким образом, и как своего рода «текст в тексте», и как возможная его сумма, итог, резюме.

Ключевые слова: интерпретация; интерпретант; текст в тексте; паремия номинация прогнозирование.

А.Е. Bochkarev (Nizhny Novgorod)
ORCID ID: 0000-0002-9650-8604

A Paremic Locution ‘*One Cannot Cut the Dough With an Axe*’ as a Narrative Program in Nikolai Leskov’s Story “An Iron Will”

Abstract. The article is devoted to exploring the paremic locution *one cannot cut the dough with an axe* as a rolled-up narrative program in Nikolai Leskov’s story “An Iron Will” (1876). In this way, different images of dough and iron become particularly important as soon as they begin to be perceived as symbolic analogues of some notable properties of national character: a German will (‘iron’) and a Russian lack of will (‘dough’). First of all, this is the pie with carrots as well as the pancakes that killed Hugo Karlovich Pectoralis, “a man of iron will”, at Safronych’s funeral. One can disclose their content only within the context of the specified paremic locution in a serial analogy

German : Russian :: will : lack of will :: iron : dough. Technically, there is no valid analogy between ‘iron’ and ‘will’, ‘dough’ and ‘lack of will’, as well as the resulting “stand-off” between a German will and a Russian lack of will, but in fact this is not necessary. No matter how paradoxically it may seem, but as an argument in favor of the Russian lack of will paroemia reveals the property of dough to resist to an ax; as an illustrative contribution to the status of a regrettable precedent, a “real” story, told over tea, about Hugo Karlovich Pectoralis choking to death while eating pancakes. Therefore, in Nikolai Leskov’s story the specified paremic locution operates as a sort of “text-in-the-text”, as well as its potential narrative program or its summary.

Key words: interpretation; interpretant; text-in-the-text; paroemia; nomination; forecasting.

В русской литературе, как и в русском речевом обиходе, немало суждений дидактического свойства, построенных по типу паремического оборота – пословицы, поговорки, речения. В таких минимальных по протяженности текстах, предельно простых для восприятия и усвоения, сокрыт, нередко в иносказательном виде, коллективный опыт в виде схемы общего, если не универсального характера, позволяющей ответить на главные вопросы в релевантном для человека контексте жизни [Паремиологические исследования 1984]. Достоверны или нет излагаемые в них представления о мире, себе и других в смысле объективном, заранее знать нельзя; зато можно утверждать безусловную их достоверность как данности коллективного сознания.

Такой функцией наделяются отчасти и некоторые формульные обороты в рассказе Н.С. Лескова «Железная воля» (1876): напр. *у немцев железная воля, а у нас ее нет; [немец] без расчета шагу не ступит; обещания даются по соображениям – и исполняются по обстоятельствам; где уже нам с вами за одним столом чай пить, когда мы по-вашему морициться не умеем; тесто в массе топором не разрубишь; когда же у дам бывают другие виноватые, кроме мужей; бог не выдаст – свинья не съест; и сверчку щель нужна; сильный силою-то своею не хвались; береженого и бог бережет, всякий, кто беден, сам в этом виноват; величия так быстро возрастают и так скоро скатываются; грешно радоваться чужому несчастью; немец не собака – и немцу хлеб надо есть; люди русские с головы костисты, а снизу мясисты; Это не то что немецкая колбаса, ту всю можно сжевать, а от нас все что-нибудь останется; я костист и мясист, меня свинья не съест; волк тебя режь, как ты меня зарезал; все в жизни с перемежкой; от больших наук все волосы вылезли; потерять дух – все потерять; Бог захочет – и червя сохранит, Бог за русских всегда наказывает и проч.* Здесь и далее текст рассказа цитируется по изданию: [Лесков 1979, 291–359].

Знание заключенных в них тривиальных смыслов выходит за рамки языковой компетенции, но не учитывать их в толковании нельзя хотя бы по причине отводимой им роли в повествовании. Подобные обороты, как и свойственная произведениям Н.С. Лескова сказовость, служат сво-

еобразной культурной маской. Такую маску нельзя, конечно же, смешивать с личностью или позицией автора как исторической, биографической или мировоззренческой величиной, а надлежит скорее изучать в качестве особого художественного приема по созданию словесного портрета рассказчика и героев. Больше в того, вступая в многомерные диалогические отношения с рассказываемой историей, включенные в текст формульные обороты функционируют в формально-структурном отношении как своего рода микротекст, «текст в тексте» (Ю.М. Лотман); и, следовательно, подлежат изучению еще и в плане смыслового преломления в тексте как своеобразная его сумма, итог, резюме.

Рассказ начинается с «обыкновенной и, признаться сказать, довольно скучной» дискуссии о *немецкой воле* и *русском безволии* с легко прогнозируемым исходом возможного противостояния: ...у немцев железная воля, а у нас ее нет – и <...> потому нам, слабовольным людям, с немцами опасно спорить – и едва ли можно справиться. Исходные положения принимаются безоговорочно на веру как нечто не вызывающее сомнения, как аксиома разделенного опыта, не требующая доказательств, но вывод об исходе противостояния ставится неожиданно под сомнение разливающим чай Федором Афанасьевичем Вочневым в характерной для спора манере «возражения под видом согласия»: ну они..., а мы... [Булыгина, Шмелев 1997, 305–315]. Соглашаясь с утверждением о железной воле немцев как о чем-то действительно бесспорном (ну, железные они, так и железные), старик Вочнев неожиданно противопоставляет немецкому «железу» русское «тесто-безволие»: ...а мы тесто простое, мягкое, сырое, непропеченное тесто [отсюда пропорция немец : железо (топор) :: русский : тесто, в которой первый термин так относится ко второму, как третий к четвертому].

Так задается принципиальная для понимания оппозиция *железо vs тесто*, по отношению которой расцениваются в символическом истолковании *немец* (в контексте «железо»), *русский* (в контексте «тесто»). Причем аргументом в пользу русского превосходства становится как бы случайно подмеченное свойство сырого теста (как символического аналога русского безволия) противостоять топору (как символическому аналогу немецкой воли): Ну, а вы бы вспомнили, что и тесто в массе топором не разрубишь, а, пожалуй, еще и топор там потеряешь.

Разумеется, в специальном смысле такая аналогия не имеет силы, но этого, в сущности, и не требуется. По правилам классической риторики для пущей убедительности требуется разве только какой-нибудь подходящий по случаю достоверный пример, пусть даже *какой-нибудь маленький случай* (ср. как видел и как знаю. О значении *exempla* в системе доказательств см.: [Гуревич 1988, 149–189]), о том, что *бывает при встрече немецкого железа с русским тестом*. Таким примером становится рассказанная за чаем история про немца с железной волей – некоего Гуго Карловича Пекторалиса, приехавшего в Россию налаживать машины для паровой мельницы и лесопильни.

Неопределенное «немец» проясняется по мере знакомства.

Среди номинаций, применяемых в отношении главного действующего лица, фигурируют, в частности:

- интродуктивные (экзистенциальные) номинации: *немец*;
- идентифицирующие номинации: *зовут его Гуго Пекторалис — иностранец — чужестранец*;

- дескриптивные номинации: *молодой человек лет от двадцати восьми до тридцати — роста немного выше среднего, худощав, брюнет, с серыми глазами и веселым, твердым выражением лица — человек в обыкновенной городской цилиндрической шляпе и широчайшем клеенчатом плаще, на пуговице которого у воротника висел на шнурке большой дождевой зонтик — гарусная красная вязаная фуфайка — серая куртка из халатного драпа с зеленою оторочкою*;

- функциональные номинации: *инженер — должен был привезти, поставить, пустить в ход [машины] и наблюдать за ними — самостоятельный хозяин своего собственного дела — открывает в городе фабрику*;

- реляционные номинации: *прибыл к нам из маленького городка Доберана, что лежит при озере Плау в Мекленбург-Шверине — выписан в Россию вместе с машинами — страстный любитель французской горчицы диафан — гнездо ос*;

- оценочные номинации: *платье совсем не такое, как нужно: оно не греет — знаток своего дела — имеет железную волю — пустился один в такой далекий путь, не зная ни наших дорог, ни наших порядков — не только не говорил, но и не понимал ни слова по-русски — трудностей никаких не боится — бедный путник — чудака — вот антик-то! — человек, который всегда точно исполняет то, что он обещал — чрезвычайно жив и словоохотлив — оригинал — опытный, сведущий и искусный инженер — много вещей сделал сам — бесконечно упрямый и настойчивый — настойчив и неуступчив в мелочах, как и в серьезном деле — безрассудно самонадеянный — учился русскому языку необыкновенно быстро и грамматично — учился он один, без помощи руководителя — раб чужого мнения — бедный Пекторалис — бедный стоик — бедный Гуго — хороший охотник — лгал не много — расчетлив и бережлив — не возобновлял себе платья — сам себе чистил сапоги — голубчик — молодец — батюшка — матинька — душа моя — разбойник — даже глядеть на него неприятно — дурак — твердый мужчина — истый немец — основательный знаток своего дела — делал все, за что принимался, чрезвычайно хорошо и добросовестно — удивительный человек — чертов немец — этакой немецкий черт! — нашего Чичикова пересилит — такой-сякой немец — ферфлюхтер (от нем. *Verflucht* «проклятие», «черт побери») — сошел с ума — вот дурак-то! — да, он дурак — ясно, что глуп — басурман — благодетель — упрямец — никакой серьезной репутации, кроме той шутовской, которую он приобрел у нас своею железною волею*;

- метонимические номинации: *выпяченный подбородок — черный*

как деготь чай — французская горчица диафан — необыкновенный экипаж — кресло с пружинной подушкой — слепая лошадь Окрыса — мерзкая немецкая сигара — довольно простая записная книжка;

— метафорические номинации: блошиный пудель — занимался своею волею, как другие занимаются гимнастикой для развития силы — колесница мордовского бога — Пекторалис все пузырился, как лягушка, изображающая воля;

— символические номинации: железная воля — мордовский бог — черный прусский орел — лик из бронзы — немецкая колбаса — идти к своему перигею — в гамлетовском положении и пр.

Характеристика стороннего наблюдателя дополняется самоидентификацией. По собственному определению, Гуго Карлович Пекторалис — человек слова: ...человек, который всегда точно исполняет то, что он обещал; я сдержал свое слово; обладает железной волей: ...я все могу выносить, потому что у меня железная воля! Да, у меня железная воля; и у моего отца, и у моего деда была железная воля, — и у меня тоже железная воля; идет к намеченной цели: Быть господином себе и тогда стать господином для других — вот что должно, чего я хочу и что я буду преследовать; сам себе хозяин: Я теперь сам хозяин и могу иметь семейство, я буду все иметь; без грехов: Никаких грешков у меня не было, нет и не может быть таких грешков; уверен в себе: я всюду поспею и все получу в свое время.

На выбор номинации влияют самые разные причины и обстоятельства. Но, даже признав, что в приложении к объекту применимы разные свойства и что разноречивые номинации зависят непосредственно от переменной прагматической ситуации и субъективных взглядов говорящих, нельзя не задаться вопросом, остается ли объект тождественным самому себе в таком многообразии номинаций. Очевидно, нет. Во всяком случае, в представлении разных субъектов.

Особо примечательна в этой связи вариативность избираемых в рассказе номинаций. В калейдоскопе чередующихся номинаций одного и того же человека именуют, судя по приведенным примерам, и немцем, и Гуго, и Гуго Карловичем, и Пекторалисом, и Гуго Карловичем Пекторалисом, а затем представляют посредством фиксированных дескрипций как молодого человека, бедного путника, сведущего и искусного инженера, знатока своего дела, оригинала, мордовского бога, чудака, страстного любителя французской горчицы диафан, ферфлюхтера, дурака. Если знать, что немец, Гуго Карлович, Пекторалис, инженер, чудака, бедный путник, знаток своего дела, страстный любитель французской горчицы диафан, оригинал, мордовский бог, ферфлюхтер и дурак суть имена того же человека и что приписываемые свойства ему действительно присущи, кореферентные имена можно тогда подставлять *salva veritate* по закону взаимозаменяемости: *eadem sunt, quae sibi mutuo substitui possunt salva veritate* [Крипке 1982, 364–366].

Не вдаваясь в рассуждения, чем имя отличается от предикатных де-

скрипций, заметим пока, что *Пекторалис, бедный путник, инженер, знаток своего дела, мордовский бог, оригинал, чудака, дурак* и в самом деле тождественны по (референтному) значению, поскольку соотносятся с тем же самым индивидным объектом, но различны по смыслу: в одном случае это имя собственное, в других – дескрипции в виде приписываемых немцу свойств. [Дескрипции из *маленького городка Доберана, сведущий и искусный инженер, оригинал, чудака, знаток своего дела, мордовский бог*, пусть и выполняют идентифицирующую функцию наравне с именем собственным, имеют здесь статус семантических предикатов, поскольку обозначают свойства, по которым характеризуется в предикатной номинации субъект суждения.] Причем эвристически ценным становится не тождество по значению, а различие по смыслу [Фреге 2000, 230–246]. Ибо в зависимости от того, как определяется в суждении Гуго Карлович Пекторалис – как *немец родом из маленького городка Доберана, как бедный путник, как сведущий и искусный инженер, как знаток своего дела, как чудака, как мордовский бог, как оригинал, как страстный любитель французской горчицы диафан, как верный своему слову человек* или как *дурак*, меняется мнение об объекте, объект мнения, его выделение и спецификация. Ни о каком тождестве здесь не может быть и речи.

В номинациях, содержащих оценку, содержание номинации обусловлено напрямую оценкой, основание оценки – субъективными взглядами говорящих [Арутюнова 1998, 130–274]. Поэтому даже при совпадении общей положительной и/или отрицательной оценки частнооценочные предикаты варьируют. В оценке партнеров, как и принципалов компании, критерием оценочной квалификации служат подтвержденные Пекторалисом деловые качества, умение и сноровка: *...сведущий и искусный инженер, знаток своего дела*; в оценке рассказчика Вочнева – странный облик немца при первой встрече: *Батюшки мои, думаю себе: вот антик-то!*, намерение *произвести в России большие захваты*, твердость и настойчивость: *Благодаря его твердости и настойчивости дело, для которого он приехал, пошло превосходно*, расчетливость и бережливость: *Гуго если не был скуп, то был очень расчетлив и бережлив*, исполнительность: *...человек, который всегда точно исполняет то, что он обещал*, декларируемая Пекторалисом *железная воля*: *...приехал сюда нас удивлять*; в оценке мужиков – водруженное на передке старых дрожек кресло с пружинным сиденьем: *Экипаж был мудрен и имел такой вид, что ездившего на нем Пекторалиса мужики прозвали «мордовским богом»*; в оценке конного заводчика Дмитрия Ерофеича – непоколебимая верность уговору не жаловаться и не ругаться: *Что это за чертов такой немец, ей-право, во всю мою жизнь со мной такая первая оказия: надул человека до бесчувствия, а он не ругается и не жалуется*; в оценке ближайшего окружения из числа колонистов – привезенная из Германии невеста Клара Павловна, левая сторона тела которой была гораздо массивнее правой: *И еще он ездил за нею в такую даль, в Германию*; в оценке ущемленного в правах Сафронича – доставленное ему и его семье неудобство: *...какое тут счастье,*

во всякий час всему семейству через чужой забор лазить; в оценке приказного Жиги – непомерная гордость: *...и уловлен на гордости, а это и есть петля смертная*; в оценке исправника – инцидент с соскочившим с дροжек креслом: *Что это за дурак тут не к месту кресло поставил?*, нежелание Пекторалиса согласовать количество окон по фасаду в плане сочиняемого им нового дома: *Вообразите, Гуго-то как глуп, я говорю: я в деревне вот столько-то окон хочу прорубить, а он мне: «маштап не дозволит»*. <...> *Нет; так-таки его, дурака, и не переспорил*; в оценке всех знавших Пекторалиса людей – железная воля: *...его железная воля делала его притчею во языцех; Не дай бог этакой воли человеку, особенно нашему брату русскому, – задавит*.

Поскольку каждая из указанных частнооценочных характеристик расценивается на фоне другой, общая оценка Пекторалиса зависит в значительной степени от того, куда склонится чаша весов, какие возобладают в итоге свойства – деловые качества, твердость характера, выносливость, непреклонность, расчетливость, бережливость, исполнительность, верность слову, сила воли, гордость, глупость, чудачество или что-то другое. Решающим для вынесения окончательного приговора становится, безусловно, *железная воля*. И не только из-за наибольшей частотности упоминаний в рассказе (общим числом свыше шестидесяти употреблений), но и, что важнее, в силу отводимого данному свойству предназначения в повествовании. Ибо, напомним, рассказанная про Пекторалиса история призвана проиллюстрировать заявленный в начале рассказа постулат о действительной природе вещей – преимуществах русского безволия-теста над немецкой железной волей: *...а вы бы вспомнили, что и тесто в массе топором не разрубишь, а, пожалуй, еще и топор там потеряешь*.

Включенная в пространство текста паремия, пусть и выражается как бы случайно выбранным оборотом в свободно-диффузной его формулировке, обращена непосредственно к содержанию рассказа как своего рода инвариантная программа, разворачиваемая с разной степенью полноты во всех возможных своих реализациях. Особую значимость приобретают, как следствие, противопоставленные железу образы теста, прежде всего пирог с морковью, задуманный Марьей Матвеевной для приглашенного изгнать дьявола отца Флавиана, а также поедаемые на поминках Сафронича блины, которыми как бы невзначай подавился и от которых принял смерть человек железной воли Гуго Карлович Пекторалис. В символическом истолковании это больше чем просто изделия из теста: «печеное изделие из тонко раскатанного теста с начинкой» и «тонкая лепешка из жидкого теста, испеченная на сковородке» (С.И. Ожегов), но еще и аллегорические образы русского превосходства, раскрыть содержание которых можно только в контексте указанной паремии в функции внутритекстового интерпретанта.

За отсутствием такого интерпретанта подводимые под печеные изделия смыслы ограничиваются параметрами непосредственно данного ситуативного контекста с указанием обстоятельств, условий и вовлеченных в

событие действующих лиц, в том числе:

— ожиданий отца Флавиана к водосвятию, хлопот Марфутки с тестом и постигшей из-за разбитой корчаги неудачи в случае с пирогом с морковью: *ср. как уберусь, так пирогов напеку — сейчас велю Марфутке пироги ставить — будь у меня пироги, я бы даже и до завтра этой мольбы не оставила — без пирогов, Марья Матвеевна, не делайте, без этого духовенству нельзя, отец же Флавиан сам как хлопок и всякое тесто любит — поставит пироги и послать Егорку к отцу Флавиану, чтобы завтра прямо от ранней обедни пожаловал с дьяконом Саввою к Марье Матвеевне на дому воду посвятить и дьявола выгнать, а потом мягкого пирожка откусать — только пусть мне пирожка два либо три с морковкою заципнут — пусть пекут пирожки — ночью вставать переваливать тесто — подходило в корчаге пирожное тесто — Егорка, весь с головы до ног обмазанный тестом — тесто, назначенное на пироги духовенству — в страшном горе по поводу происшествия с тестом;*

— поминок сгубленного вином Сафроныча [ср. предупреждение Жиги: *...блаженный ты отныне человек, если только в вине не потонешь*] и навязанного Пекторалису состязания с отцом Флавианом в случае с приготовленными по случаю блинами: *ср. он должен был прийти к нему на похороны есть блины — приду на его похороны блины есть, а до того весь мир узнает, что такое моя железная воля — он ко мне на похороны блины есть обещался — Накорми его тогда, жена, хорошенько блинками — прийти есть блины к нему на похороны — Пусть придет и блинков съест — он должен был прийти к нему на похороны есть блины — есть блины на его похоронном обеде — садитесь, блинов у нас много расчинено — в его доме сидишь и его блины ешь; а своих у тебя нет, — и умрешь ты — не будет у тебя ни дна, ни покрышки, и нечем тебя будет помянуть — и вместе с тем вошел в него сатана, — он вошел в него вместе с блином, который подал ему дьякон Савва — На тебе блин и ешь да молчи — Да зачем его жевать, блин что хлопочек: сам лезет; ты вон гляди, как их отец Флавиан кушает, видишь? — Вот возьми его за краечки, обмокни хорошенько в сметанку, а потом сверни конвертиком, да как есть, целенький, толкни его языком и спусти вниз, в свое место — тебе, брат, больше отца Флавиана блинов не съест — Отец Флавиан спускал конвертиками один блин за другим, и горя ему не было; а Гуго то краснел, то бледнел и все-таки не мог с отцом Флавианом сравняться — Он все ел и ел до тех пор, пока вдруг сунулся вниз под стол и захрапел — А отец Флавиан перекрестился, вздохнул и, прошептав «с нами бог», подвинул к себе новую кучку горячих блинков.*

Исход противостояния предвосхищается репликой дьякона: *...ты в его доме сидишь и его блины ешь <...> и умрешь ты — не будет у тебя ни дна, ни покрышки, сопоставимой по прогностической силе с ранее высказанным пожеланием покойного: Пусть лучше он придет на мои поминки блины есть да подавится; я еще не хочу, чтобы меня немец много пережил. Пусть переживет, да только немножечко. И звучат как предупреждение*

пророческие слова подьячего Жиги: *Ликуй <...> русская простота! Ныне я немца на такую пружину взял, что сатана скорее со своей цепи сорвется, чем он соскочит; ...погоди, он нами подавится, ...и ему на твоих порохонах блин в горле комом станет.*

Так завершается предсказуемым образом *встреча немецкого железа с русским тестом.*

- Кого, мать, это хоронят?
- А другая отвечает: И-и, родная, и выходить не стоило: немца поволокли.
- Какого немца?
- А что блином-то вчера подавился.
- А хоронит-то его отец Флавиан?
- Он, родная, он, наш голубчик: отец Флавиан.
- Ну, так дай бог ему здоровья!

Подведем итоги.

Заклученный в паремии иносказательный смысл, функционируя в формально-структурном отношении в качестве инвариантной программы, раскрывается на привлекаемом по случаю примере путем экспликации образов железа и теста как символических аналогов особо примечательных свойств национального характера – немецкой воли (в контексте «железо») и русского безволия (в контексте «тесто»). Так паремия разворачивается до размеров рассказа, рассказ сводится в обратном порядке к паремии как своеобразной своей сумме, итогу, резюме. При этом, несмотря на, казалось бы, явное превосходство *немецкого железа* над *русским тестом*, исход заявленного противостояния предreshается априори заданным смыслом паремии: *тесто в массе топором не разрубишь.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998. С. 130–274.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Возражение под видом согласия // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 305–315.
3. Гуревич А.Я. «Exemplum» – литературный жанр и стиль мышления // Монтаж. Литература. Искусство. Театр. Кино / отв. ред. Б.В. Раушенбах. М., 1988. С. 149–189.
4. Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982. С. 340–376.
5. Лесков Н.С. Железная воля // Лесков Н.С. Избранные сочинения. М., 1979. С. 291–359.
6. Паремииологические исследования / сост. и ред. Г.Л. Пермякова. М., 1984.
7. Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 230–246.

REFERENCES

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

1. Arutyunova N.D. Otsenka v mekhanizmax zhizni i yazyka [Evaluation in the Mechanisms of Life and Language]. *Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka* [Language and Human World]. Moscow, 1998, pp. 130–274. (In Russian).
2. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Vozrazhenie pod vidom soglasiya [Objection under the Guise of Consent]. *Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [The Language Conceptualization of the World (a Case Study of Russian Grammar)]. Moscow, 1997, pp. 305–315. (In Russian).
3. Frege G. O smysle i znachenii [On Sense and Reference]. *Frege G. Logika i logicheskaya semantika* [Logic and Logical Semantics]. Moscow, 2000, pp. 230–246. (Translated from German to Russian).
4. Gurevich A. “Exempla” – literaturnyy zhanr i stil’ myshleniya [Exempla as a Literary Genre and Style of Thinking]. *Montazh. Literatura. Iskustvo. Teatr. Kino* [Montage. Literature. Art. Theatre. Cinema]. Moscow, 1988, pp. 149–189. (In Russian).
5. Kripke S. Tozhdestvo i neobkhodimost’ [Identity and Necessity]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vol. 13. Logika i lingvistika (problemy referentsii)* [New Issues in Foreign Linguistics. Vol. 13. Logic and Linguistics (Problems of Reference)]. Moscow, 1982, pp. 364–366. (Translated from English to Russian).

(Monographs)

6. Permyakov G.L. (ed.). *Paremiologicheskiye issledonanya* [Paremiological Studies]. Moscow, 1984. (In Russian).

Бочкарев Андрей Евгеньевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Доктор филологических наук, доктор Парижского университета Сорбонна (IV), профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ. Область научных интересов: семиотика языка, литературы и искусства, интерпретирующая семантика.

E-mail: bochkarev.andrey@mail.ru ; abotchkarev@hse.ru

Bochkarev Andrey E., National Research University “Higher School of Economics”.

Doctor of Philology, PhD, Université de Paris – Sorbonne (IV), Professor at Literature and Intercultural Communication Department, HSE. Research interests: semiotics of language, literature and art, interpretative semantics.

E-mail: bochkarev.andrey@mail.ru ; abotchkarev@hse.ru